

И. Г. ДОБРОДОМОВ

НЕМЫЕ КИЗЛЯРЫ

(из комментария к «Бахчисарайскому фонтану»)

С начала XIX в. и до последнего времени для жителей дагестанского города Кизляра и его окрестностей устойчиво фиксируется единственное название — *кизлярыцы* (см., например, СНЖ РСФСР, 78; СНЖ СССР, 81). Но составители словаря редких слов в произведениях авторов XIX в. (книга вышла под грифом Института лингвистических исследований РАН) утверждают, что у слова *кизлярыцы* якобы существовал синоним: «**КИЗЛЯРЫ**, -ляр, мн. Уроженцы Кизлярских степей, расположенных в дельте реки Терек. *Давно кизлярами немymi В пучину волн опущена*. Пушкин, Бахчисарайский фонтан» (Рогожникова 1997, 194). Напрасно мы стали бы, руководствуясь этой глухой ссылкой, искать первую из процитированных строк в «Бахчисарайском фонтане»: в окончательный текст она не вошла, хотя и присутствовала в беловых автографах, о чем свидетельствуют, в частности, копии, восходящие к беловой редакции поэмы. Однако варианты этой редакции в соответствующем месте большого академического собрания сочинений по недосмотру не приведены (ср. Пушкин 1937, 382—404). Этот пробел восполняется в дополнительном, нумерованном томе (Пушкин 1959, 43), который учтен в «Новых материалах к словарю языка А. С. Пушкина»: «**КИЗЛЯРЫ** (н<овое> с<лово> ¹) (1) *Уроженцы Кизлярских степей* (?). Давно **кизлярами** немymi В пучину волн опущена. БФ Спр<авочный> т<ом,> с. 43)» (НМСП, 90).

Примечательно, что авторы «Новых материалов к словарю языка А. С. Пушкина» затруднились не только определить значение, но и установить начальную форму слова *кизляр*, несмотря на то что оно встречается у Пушкина и во множественном числе, и в единственном. Данные обоих словарей об однократном употреблении этого слова не соответствуют действительности. Как показывают черновики поэмы, 36-й стих «Бахчисарайского фонтана» (*Под стражей бдительной и хладной*) первоначально читался иначе: *Под стражею Кизляра хладной* (Пушкин 1937, 384). По всей видимости, лексикографы, работавшие над дополнениями к «Словарю языка Пушкина», восприняли прописную букву в слове *Кизляр* как указание на имя собственное и, следуя установке, на наш взгляд ошибочной, не включать личные име-

на в пушкинский словарь (НМСП, 4; ср. СП, I: 11), проигнорировали одно из употреблений интересующего нас слова.

Значение, которое Пушкин вкладывал в слово *кизляр*, проясняется благодаря одной автореминисценции в тексте «Бахчисарайского фонтана». Исходная редакция стиха 36: *Под стражею Кизляра холодной* — во многом созвучна окончательной редакции стиха 473: *Под стражей холодной скопца*. Эту строчку Пушкин имел в виду в первую очередь, когда в начале декабря 1823 г. признавался Вяземскому, что испытал влияние поэмы С. Боброва «Таврида»: «Хладнаго скопца уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности А<нны> Л<ьвовны>».

Не зрѣть лица его Гаремъ.
Тамъ — — —
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говорить въ своей Тавридѣ: *Подъ стражею скопцовъ Гарема*. Мнѣ хотѣлось что нибудь у него украсть а къ тому-же я желалъ бы оставить рускому языку нѣкоторую библейскую похабность» (Пушкин 1926, 60)². Возможно, Пушкин пожертвовал *кизляром* по тем же соображениям, по которым готов был позже пожертвовать *скопцом*. В любом случае невнимание филологов к явной семантической и поэтической параллели между двумя этими словами превратило лексикографическое описание одного из них в «историко-этимологический каламбур» в духе тех, над которыми смеялся В. В. Виноградов (1968).

Если из 36-го стиха «Бахчисарайского фонтана» слово *кизляр* было устранено самим автором в процессе совершенствования текста, то исчезновением этого слова в стихе 476 мы обязаны совету одного из отечественных знатоков турецкого быта. Д. В. Дашков, служивший в конце 1810-х годов в русской дипломатической миссии в Константинополе, прочел новую поэму Пушкина в рукописи и 4 января 1824 г. поделился впечатлениями с И. И. Дмитриевым: «Съ живымъ удовольствіемъ читали мы *Бакчисарайскій Фонтанъ*, отрывокъ, показывающій какую-то зрѣлость таланта, по крайней мѣрѣ въ описаніяхъ <...> Говорять, что Вяземскій печатаетъ въ Москвѣ это стихотвореніе. Въ такомъ случаѣ сдѣлайте милость, замѣтьте ему одно мѣсто, требующее исправленія. Зарема умираетъ отъ рукъ *нѣмыхъ кизляровъ* — а *кизляръ* по турецки значить просто *дѣвушки*. Название *Кизляръ-Агасси*, вѣроятно обманувшее Пушкина, значить начальника надъ дѣвушками Харема. Не говорю уже о всеобщемъ европейскомъ предразсудкѣ (не

менѣе того ложномъ) о нѣмыхъ, употребляемыхъ на тайныя казни въ Харемахъ, но я бы и это выкинулъ изъ поэмы Пушкина, гдѣ такъ хорошо сохранены всѣ мѣстныя краски» (Дашков 1868, стб. 600).

В сноске к публикации письма Дашкова справедливо говорится, что его замечание было «отчасти принято» (Дашков 1868, стб. 600 примеч. 10). В первопечатном тексте поэмы, увидевшем свет 10 марта 1824 г., злополучные *кизляры* отсутствуют, но их апокрифическая немота оставлена в неприкосновенности:

Забытый, преданный презрѣнью
Гаремъ не зреть его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ними
Давно Грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.

(Пушкин 1824, 29)

Как писал Г. О. Винокур в неопубликованном комментарии к «Бахчисарайскому фонтану», предназначавшемся для юбилейного академического издания Пушкина, «нельзя ответить на вопрос, кто произвел эту замену, которая вызвала необходимость перестройки всего этого места — сам Пушкин, или же <что скорее. — И. Д.> Вяземский, потому что в сохранившейся части переписки между ними <...> это обстоятельство не нашло себе отражения»³.

История слова *кизляр* в крымской поэме Пушкина во многом была реконструирована Винокуром⁴, но вопрос о происхождении слова, о его источнике, сколько известно, никогда не ставился. Дашков рассуждает так (и Винокур его нигде не оспаривает), будто некорректное переосмысление тюркизма принадлежало автору поэмы. На самом деле такое предположение следует признать маловероятным. Косвенным доводом в пользу существования какого-то передаточного звена является, между прочим, мягкое *л* в пушкинском слове *кизляр*, в отличие от твердого османско-турецкого *قىزلر* (соврем. *kızlar* [қызлар]). Думается, что на роль языка-посредника по праву может претендовать молдавский (румынский), для которого характерно полумягкое произношение *l*: еще в прошлом веке в этом языке было зарегистрировано слово *kîzlar* 'Eunuche' (Miklosich 1884, 333) — с тем же значением, что у Пушкина, и со сходным фонетическим обликом. В свою очередь, Ф. Миклошич обнаружил слово *chîzlár* в «Румынском этимологическом словаре» А. де Чихака, куда оно попало из фольклорных

«Баллад» («Поеzii попорале: Balade»), изданных В. Александри в Яссах в 1852 г.: «*Chîzlar, s., eunuque, (Al. Bal. 1. 48: chîzlariul din harem); — qyzzlar aghâsy chef des eunuques noirs, (qyz fille, vierge, femme en général)*» (Сihac 1879, 565).

В конце 1840-х годов писатель и фольклорист В. Александри записал молдавскую песню «Сырб-сэрак» («Серб-бедняк») и в 1850 г. опубликовал ее на страницах газеты «*Vukovina*» (см. Гацак 1971, 116—121). В этой песне дважды встречается слово *кызлар*: *Дар еу, фрате, мулт мэ тем // Де кызларюл дин харем = А я, брат, сильно боюсь // Кызлара из гарема*⁵. Сам Александри снабдил редкое слово толкованием «евнук, пэзитор де харем», то есть «евнух, страж гарема» (Гацак 1983, 153, 302). По сведениям В. М. Гацака, которому автор статьи обязан консультациями по восточно-романскому фольклору, в других молдавских и румынских источниках XIX в. слово *кызлар* (*chizlar*) не представлено. Судя по всему, оно пришло в крымскую поэму Пушкина из молдавской песни, которая стала известна поэту в период его кишиневской ссылки (здесь нелишним будет напомнить, что «Бахчисарайский фонтан» был начат и в основном закончен в Кишиневе⁶). До сих пор этот любопытный факт ускользал от внимания специалистов (ср. Богач 1961; 1967; и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Помета означает, что слово отсутствует в 4-томном «Словаре языка Пушкина» (СП).

² Об отголосках «Тавриды» в «Бахчисарайском фонтане» и «Евгении Онегине» см. Винокур 1936, 241—242; 1937, 56.

³ РГАЛИ, ф. 2164 (Г. О. Винокур), оп. 1, ед. хр. 63, л. 42.

⁴ См.: Там же, л. 42—43; Винокур 1936, 235—236.

⁵ «Характерно, — замечает В. М. Гацак, — что <...> в газете — как в рукописи — название песни и заглавие рубрики даны латиницей, а текст песни — кириллицей» (1971, 116).

⁶ Ср. комментарий Винокура: «<...> небольшая по размерам поэма <...> писалась Пушкиным в общей сложности больше двух лет, но с значительными перерывами. Таких перерывов следует предполагать не менее двух. Первый, в конце 1821 — начале 1822 года был<,> вероятно<,> обусловлен медленным вызреванием самого замысла, тем, что Пушкин колебался в выборе средств для композиционного объединения описательной <...> темы и темы лирической. Второй перерыв, предположительно приходящийся на средние месяцы 1823 г., был вызван сомнениями в вопросе о том, нужно ли печатать поэму» (РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 63, л. 36; см. также Цявловский 1991, 267, 285, 304, 311, 339, 344, 356, 358, 361, 365, 368, 371).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богач, Г.: 1961, 'Молдавские слова в творчестве А. С. Пушкина', *Анале итшинцифиче але Институтулуй де Лимбэ ши Литературэ ал Академией де Штшинце дин РСС Молдовеняскэ*, вол. X, 119—148.
- Богач, Г.: 1967, *Пушкин и молдавский фольклор*, Издание 2-е, дополненное, Кишинев.
- Виноградов, В. В.: 1968, 'Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры', *Вопросы языкознания*, № 1, 3—22.
- Винокур, Г.: 1936, 'Крымская поэма Пушкина', *Красная новь*, кн. 3, 230—243.
- Винокур, Г.: 1937, '«Бахчисарайский фонтан»', *Литературное обозрение*, № 1, 54—60.
- Гаццак, В. М.: 1971, 'Героические песни собрания Александри и проблема их основного текста', *Текстологическое изучение эпоса*, Москва, 109—147.
- Гаццак, В. М.: 1983, *Епосул ероик, Алкэтуиря, артикулул ынтродуктив ши коментарииле де В. М. Гаццак; Суб редакция луй Г. Г. Ботезату, Кишинэу*.
- Дашков, Д. В.: 1868, 'Письма к И. И. Дмитриеву. VIII. Дмитрия Васильевича Дашкова', *Русский Архив*, вып. IV, стб. 583—602.
- НМСП — *Новые материалы к словарю А. С. Пушкина*, Москва 1982.
- Пушкин, А.: 1824, *Бахчисарайский фонтан*, Москва.
- Пушкин: 1926, *Письма*, Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, Москва — Ленинград, т. I: 1815—1825.
- Пушкин: 1937, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], т. 4: Поэмы. 1817—1824.
- Пушкин: 1959, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- Рогожникова, Р. П.: 1997, *Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник*, Ответственный редактор Р. П. Рогожникова, Около 3 500 единиц, Москва.
- СНЖ РСФСР — *Словарь названий жителей (РСФСР)*, Около 6 000 названий, Под редакцией А. М. Бабкина, Москва 1964.
- СНЖ СССР — *Словарь названий жителей СССР*, Около 10 000 названий, Под редакцией А. М. Бабкина и Е. А. Левашова, Москва 1975.
- СП — *Словарь языка Пушкина: В 4 т.*, Москва 1956—1961, т. I—IV.
- Цявловский, М. А.: 1991, *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826*, Составитель М. А. Цявловский, Издание 2-е, исправленное и дополненное, Ленинград.
- Sihac, A. de: 1879, *Dictionnaire d'étymologie Daco-romane: Éléments Slaves, Magyars, Turcs, Grecs-moderne et Albanais*, Francfort s/M.
- Miklosich, F.: 1884, 'Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen: (Griechisch, albanisch, rumunisch, bulgarisch, serbisch, kleinrussisch, grossrussisch, polnisch)', *Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe*, Bd. XXXIV, Abt. I, 239—338.